

Денис
Захаров

Пустые
сказки
Николаса
Кацлера

*Все пустое,
потому
и наполняется*

Денис Захаров

**Пустые сказки Николаса Кацлера.
Все пустое, потому и наполняется**

«Издательские решения»

Захаров Д.

Пустые сказки Николаса Кацлера. Все пустое, потому
и наполняется / Д. Захаров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905670-2

Эта книга для людей, собирающих мозаики себя, похожая на детскую раскраску, где раскрашивать можно попробовать собой. Попытка воссоздания внутренних разговоров кэмпбелловского Героя и проба со-брать его возможные фокусы внимания, исходя из тела ограниченного текста на срезе времени. Это книга-преамбула — как начало рождения новых связей, и книга-резюме для рассмотрения существующих, но не состоявшихся связей. Наблюдаемая сетка монолога на границе пустоты и души — как способ...

ISBN 978-5-44-905670-2

© Захаров Д.
© Издательские решения

Содержание

Волнующее знакомство с тобой	6
Словомен	8
Назад в будущее?	10
Показалось?	11
Из личных записей	12
Пчелиная байка	13
Сказка о мтыдмтыщмтыдлм	15
Сказка о вечности	16
Междуадие	17
Как понять муравья через рафинад?	18
Ниточное производство рыб	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Пустые сказки Николаса Кацлера Все пустое, потому и наполняется

Денис Захаров

Редактор Марина Тюлькина

Корректор Ольга Шепитько

Иллюстратор Юрий Сосницкий

Дизайнер обложки Вера Филатова

© Денис Захаров, 2018

© Юрий Сосницкий, иллюстрации, 2018

© Вера Филатова, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4490-5670-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

*Аудиозапись:
БТ — «Тень»*

Волнующее знакомство с тобой

Привет! Как тебе обложка? Для первой обложки в моей жизни сойдет?

О да, обложки – это целый мир! Вау...

Хм... раз ты уже здесь, скажу, что, к сожалению или к счастью, эту книгу не надо читать. Знаешь, это вовсе и не книга. Я вообще, признаться, не понимаю, что...

Давай так! Не знаю, что получится у нас с тобой, но точно, что вот то, что получится именно с тобой, – не получится с другим читателем этой книги. С ним получится что-то другое. Риску несколькими мгновениями, а я попробую написать, что, может, будет близко тебе. Или далеко. В любом случае, исходя из слов «близко» и «далеко», ты и я будем друг от друга на измеримом расстоянии.

Начну с того, что есть я – печатающий этот текст на своем компьютере неизвестный тебе человек, есть ты – неизвестный пока мне человек, которому по воле случая попала в руки эта книга. Так и быть, иногда все это я буду называть книгой. А есть что-то еще, о чем мы с тобой не договаривались, но как-то точно чувствуем, что есть. И ты можешь прекратить нашу беседу уже сейчас или десятью страницами позже, а может, и вовсе не заметишь наличие этого общения. Кто ж знает, кому что сегодня. Но вот ты с книгой, и у нас уже есть что-то общее, точки пространства сдвинулись, какой-то механизм заработал, все отчетливее видится характер нашей связи. Эта шуршащая штука, которую ты держишь в руках, – мой поиск, предположу, что поиск любви. Думаю, что абсолютно каждый из нас, и это важно, находится в этом поиске, располагаясь на разных клетках этого бесконечного тетрадного листа.

Мы ищем, но не понимаем что, – ориентиры теряются. В голове появляется образ когда-то нового, но сейчас заношенного пиджака. И, тем не менее, поиск идет. Словно сундук на чердаке старого дома: никогда не знаешь, что там сможешь найти, но все равно лезешь открывать его с невероятным чувством торжества... или страха... Но это чувство торжества поиска ослабевает и забывается, будто мы потеряли ключ от сундука и решили, что иначе его не открыть, а ключ не найти, не изготовить – ничего; будто из поколения в поколение мы готовы смириться с потерянными ключом и невозможностью открыть сундук. Появляется страх, который сковывает сами попытки поиска. Удивительнее всего наблюдать, что мы уже затираем сам страх, еще больше отдаляясь от того, что в сундуке. Если раньше мы были капитаном судна, приплывшим к пещере с сокровищами, но боящимся войти в нее, то сейчас, сидя на суше, мы не хотим и думать о том, что есть сокровища, пещеры, корабли, моря... Наш взор устремлен от подобных странствий, но ведь... нет-нет, да глянем.

Скорее всего, ты не сможешь точно сказать, что я сейчас имею в виду, но если есть ощущение, что «нет-нет, да глянем» в этом примере, – это хоть немного, но про тебя... Есть? У меня есть. И без тебя совладать с этим сокровищем, с этим сундуком я не смогу. Одному с судном не управиться, это наглядно показывают фильмы про пиратов, ну или более серьезная литература.

Вот мы почти уже и команда.

Продолжим.

Наверное, я даже не понимаю, что я имею в виду под «поиском любви», но сегодня, в день, когда я начал писать эти строки, я почувствовал, что это прочтешь ты. Есть внутренняя уверенность, что именно ты; раз ты, и это важнее, чем может показаться, уже это читаешь, ты можешь оказаться точно там, где и я, не физически, конечно, а то это было бы уж чересчур.

Мне бы хотелось связаться с тобой сквозь пространство и время через этот текст. Звучит так себе. Нет, это не научная фантастика, не религиозный трактат, не произведение искусства, не труд писателя. Это попытка рассказать тебе свои сказки.

Однажды я почувствовал, что мне нужно писать, весь рельеф знаков вокруг будто удивлялся тому, почему я еще не пишу (писать слова как способ связи, улучшение глаза как инструмента), ну и мне оставалось выбрать форму, в которой это нужно сделать. Я выбрал такую и назвал это сказкой!

Сказка – это то, что читается в детстве. Сказка – это то, что направляет наши идеи, взгляды и убеждения с самого младенчества. Простор. Здесь не будет принцев и принцесс, волшебных палочек и говорящих коней, здесь будет то, что я называл бы «правдой». Правда между тобой и мной, а так как имеется мнение, что о ней в мире договариваются, – будем пробовать ее устанавливать.

Представим, что вышла новая компьютерная игра, и ее устанавливают сто пользователей, но она устанавливается только на те компьютеры, где есть DirectX18, а это «пять из ста». Пять пользователей установили правду между игрой и драйвером DirectX18, поэтому у них игра работает. Нюансов у этого примера может быть бесконечное множество, настолько бесконечное, что в нашем примере ни один пользователь не сможет поспевать за новинками игровой индустрии, и правда не установится, оттого есть мнение, что и правды никакой и нет. Но локально, в рамках этого небольшого разговора, с пятью из ста пользователей она может и состояться. Я не знаю, насколько этот пример будет удачен здесь, но возник он. Для кого-то как раз именно он будет тем самым DirectX18, а для кого-то нет. В детстве на уроке рисования у меня, например, было три фломастера: красный, желтый и зеленый, и небо, это непонятно откуда вдруг взявшееся в раскраске небо, нечем было закрасить, и я искал голубой цвет у соседа, учителя, мы обменивались фломастерами. А когда у меня и ни у кого в классе не было голубого цвета, то учитель говорил что-то вроде: «Так, ну раз ни у кого нет голубого, и у всех есть зеленый, то небо можно раскрашивать зеленым, ничего страшного». И мы смело раскрашивали небо зеленым, зная, что мы все делаем верно, и нам за это не снизят оценку, и уже не надо отчаянно искать голубой. Мы с учителем установили правду о том, что небо – зеленое, и в течение 40 минут урока она работала в нашем классе. Урок закончился. И ровно через неделю с этим же учителем устанавливалась уже совсем другая правда. Такая вот она путешественница. Как бы вот сейчас она есть, а в следующее мгновение ее может и не быть. Необязательная дама, тем и прекрасна.

Словомен

Если ты человек, который открыл эту книгу в магазине, просматривая первые страницы с интересной для тебя обложкой, ты можешь положить ее обратно на полку или взять с собой. Я хочу сказать, что сейчас, вот сейчас, стоя в магазине, просматривая эти строки, или сидя уже дома, валяясь в кровати или прищучивая ею надоедливую комара в автобусе, спасибо тебе. Спасибо, что ты здесь! Я часто чувствую себя не до конца собранной мозаикой угрюмого румына, но, тем не менее, недостающие пазлы имеют свойство отыскиваться. Отыскиваться в самых неожиданных местах.

Слова – обозначения, ярлыки. Написал вот, что я – стиральная машина. Ты представил свою, а я свою. У тебя она круглая. А у меня квадратная. Слова – наши помощники в этом поиске, но они же могут сыграть с нами злую шутку, будем бережно относиться к этим хитрым закорючкам. Как же читать книгу без слов и букв, когда они есть!?

Сейчас мы делаем с тобой одно дело. Мы со-владельцы. А результат этой книги в нашей с тобой связке будет со-деянным. Что-то произойдет, вроде того, как получаются дети, или вкусное блюдо, или отношения, все слова цепляются друг за друга. Так давай посмотрим, что у нас получится произвести.

Здесь ты нужен. Здесь ты полезен. Эта польза не придет к тебе медалькой или деньгами, это большее дело: понять и принять друг друга. А ты хорош, читаешь странные вещи и все равно бежишь глазами далее. Это огромный потенциал особого ты. Круто же!

В нашем мире очень сложно перейти с привычного уровня общения на непривычный. Кому-то трудно подойти и заговорить с незнакомым человеком. А если даже и подошел, уже сказал то, чего не хотел. А если и сказал то, что хотел, но испытал не те чувства, ощущения и эмоции, которых ожидал, а потом еще что-то не так, и все это превращается в порочный круг, которому мы частенько и сами бываем не рады. У каждого возникают свои ситуации. Я вот никогда не мог работать и делать что-то хорошо на более-менее длительном отрезке времени, постоянно и с желанием. Поэтому это будет так себе сказка, по-моему, к этому моменту она уже становится никудышной, сказки так уж точно не пишутся, но остановиться и прекратить что-то не дает, хотя сделать это сейчас проще всего.

Каждый из нас разным способом кричит миру «я здесь», это необходимость, которая порционно отличается в зависимости от человека. И вот я в этой сказке, наверное, и подшептываю тебе «я здесь», и если ты тоже... То вот ты и вот я. Давай дружить, пусть хотя бы здесь, уже отлично.

Из общего хаоса слов нужно задать тему нашего с тобой общения, если у нас получится, то в магазинах на прилавках или на просторах сети я буду транслировать и другие зачатки себя, а может, и не буду. Пообещаю тебе, а потом не исполню. Может, это первая и последняя книга в моей карьере сказочника.

Спустя несколько прочитанных страниц – есть выжимка восприятия? Я тебе нравлюсь? Или неприятен и скучен? Весел и любвеобилен? Назойлив и заносчив? Каждый из читающих ответит по-разному... Количество вариаций не имеет конца... Но, думаю, полезно подумать о том, как ты видишь меня сквозь призму себя.

О чем же я хочу тебе сказать? Несмотря на то, что несколько предыдущих абзацев пронесли тягучим шумящим фоном, и все это выглядело как одно большое вступление, мы уже о чем-то говорим и как-то чувствуем друг друга, но пока непонятно, как, но что-то ты уже можешь сказать точно.

Антоний Сурожский:

«Мы обманываемся, когда думаем, что общаемся друг с другом через слово. Если между нами нет глубины молчания, слова почти ничего не передают. Понимание происходит на том уровне, где два человека встречаются глубинно именно в молчании, за пределами всякого словесного выражения».

Назад в будущее?

Как-то я пришел на выставку, где маленький мальчик, на вид ученик школы, задал на ломаном английском вопрос приглашенному гостю мероприятия Кристоферу Ллоиду – тому актеру, что снимался в культовом фильме «Назад в будущее» с легендарным летающим автомобилем DeLorean DMC-12. Мальчик рассказал о нюансах, которые нашел в его фильмах и в самой актерской игре звезды, и вдруг, на удивление всех, почти заикаясь от волнения, попросил обняться. Охрана с разрешения организаторов пропустила паренька на сцену, и тот с размаху прыгнул в объятия актера. Ллойд опешил, он не был готов к такой кричащей искренности; и мальчик не лукавил, в нем плескалось невероятная смесь безудержного внутреннего движения и ласковой благодарности, казалось, что звуки этого коктейля нашли отклик у всех, выражаясь в бурных аплодисментах и непонятной природе слез. Те слезы без ответа. Когда нет быстрого ответа об их причине (упал человек – понятно, почему плачет; заболела любимая черепашка – понятно, почему плачет, и т. д.; каждый из нас приведет здесь свои примеры понятного плача), так вот это был непонятный плач, по крайней мере, для меня. И на острие этой ситуации у меня возникла такая абстрагированная мысль, которая будто резко переместила меня из партера на балкон: стоит в зале вокруг меня примерно около тысячи человек, и все смотрят на Ллойда как на кумира, успешного человека, приму, живую легенду в той или иной степени. И всем будто понятно, что тысяча людей на мгновение имеет какое-то единое коллективное сознание – пролетает стрела самоозарения: большинство из них не станут такими, как он, и это не моя мысль или наблюдение о них, а будто самим совершающимся фактом, находясь вместе со мной на этом самом балконе, уже своим присутствием на нем они сообщают это, и это всем понятно. Не вчера или завтра, в сей миг их мечта не сбылась, не сбывается, не сбудется. И уже с позиции несбывшейся мечты все эти последующие слова, эмоции, улыбки, вопросы и т. д. от других людей и этот аромат запылившейся старой мебели стоят крепко и сбито. Переводишь фокус снова на того парня, и восприятие режется почти с трескучим звуком: этому мальчику ничего не надо, его слезы имеют другой характер и оттенок, как бы вопреки... Он не фотографирует, не просит автографа или чего-то еще, что обычно принято делать со знаменитостями. Он – вот он, и вот Ллойд, и эту краткосрочную мелодию дергающихся струн он чувствовал, будто впопыхах искал где-то у себя внутри подходящую полку для этого удивительного груза. После наблюдаемого я вышел из очереди на фотовстречу со звездой Голливуда, я не хотел протягивать эту связь из состояния «несбывшегося», я хотел, как мальчик, но не мог. Я оказался на границе невидимых глазу миров, отказался от права выбирать сейчас. Мне кажется, что подобный уход случается с каждым из нас в разных ситуациях – запечатление этого отдает призрачным, но осязаемым позитивом. А может, такого сцепления эмоций и чувств и вовсе не случалось, и такие «морозные рисунки» сложились лишь у меня, наверняка в голове соседнего человека «узорилось» что-то другое. Но на то и мои сказки, чтобы заявить об их существовании и выслушать твои с той стороны печатного листа.

Тут я хочу пройти по своим пыльным полкам, хочу, чтобы на них что-то ожило. Новый способ общения. Новый способ понимания. Новый способ восприятия реальности. И это не универсальный способ в общепринятом смысле слова, он «универсальный» только для каждого. Он твой. Он может стать нашим. Возможно, он может состояться с тобой в чаще этих слов. А может, и не состояться. Это сказки дилетанта, поэтому я не берусь утверждать что-то наверняка.

Показалось?

Совсем недавно я просматривал видеоролик, в котором молодой человек упомянул некоего Эдварда Холла. По поиску в интернете я нашел фото неизвестного мужчины, определяемого мной как Эдвард Холм; позднее я обнаружил, что фамилии различались. Фото была отправлено знакомому, как две капли воды похожему на этого персонажа. Язык изображения и сам посыл был понятен нам обоим. Сумятица началась со слов, обозначающих два имени автора. Их важность и нужность в тот момент была аннулирована. Есть язык более совершенный.

Из личных записей

Летом прошлого года я читал книгу К. Юнга, он много пишет про сны и приводит примеры интерпретаций нескольких. В это время меня сопровождали следующие мысли, которые я неторопливо записал:

«На мгновение представил, что и бодрствование – это такой же сон, назову его „бсон“. При обращении внимания на знаки и символы в бсне можно также понаблюдать за телодвижениями нашего мира с нами же самими (у каждого свое: какие-то ситуации повторяются, эмоции воспроизводятся и т. д.), как порой и в обычных снах (очень часто в моих снах концептуально воспроизводятся одни и те же объекты и совершения над или с ними); Юнг пишет, что подсознание может нам раскрыть то, что нельзя раскрыть сознательно. Так вот к чему я веду... Я не чувствую, что условный Денис Захаров оказался там, где оказался и оказывается сейчас, – сознательно. Все, что я помню, – это самые яркие фрагменты этого бсна, так же как я помню и самые яркие моменты снов. Нахожу и в бсне знаки и символы (многие удивительным образом при обращении внимания сходятся со знаками и символами из снов), все они видятся мне как рычаг к сознательному, к возможному, к некому перевоплощению, здесь слова начинают затираться...»

Кажется, что Юнг прикасается и к этой мысли, что нет существенной разницы между этими двумя мирами сна и бсна. Мы пока в этом величественном подсознании, «не рожденные». У человека есть потенциал установить эту разницу и родиться; такие заметки возникают.

Пчелиная байка

Ни один человек в мире не знает, как надо. Что это вообще значит? Как надо кому? Ни один человек в мире ничему вас не научит – он не может вместо вас сесть на седло велосипеда, вы пробуете сами, открывая свои «входящие» для его «исходящих», или блокируете такую возможность.

Представим на мгновение мир в предметной картинке: вокруг космос, и никто не знает, что это. Вокруг люди, и никто наверняка не знает, как мы здесь оказались и зачем. Смотрим на картину в целом, не затрагивая эволюцию и прочие моменты внешнего пространства, о которых мы хоть что-то узнали...

Что-то после Большого взрыва или акта Божьего творенья... А что было до взрыва? В чем смысл? А если Бог, то он откуда и как? Миллионы любопытнейших вопросов остаются без ответов... Если уходить в жесткую науку, мы наткнемся на какие-то ответы, но также и увидим перед собой огромный забор. С точки зрения религий – та же история. Наверняка я что-то здесь точно упущу – это свободные записи на коленке, но удивительно было наблюдать, что, читая гениальные научные труды по разным дисциплинам, восточные просветляющие учения и практики, высоконравственные религиозные трактаты и т. д., я обнаруживал одно и то же – попытки человеческих исканий, которые при верной кропотливой интерпретации текстов сообщают нам одни и те же вещи, просто о делают это на разных языках... Вместо того чтобы объединить усилия в исканиях, мы уже какую тысячу лет бьемся на границах недопонимания... Регулярно бьемся из-за этого даже дома с любимыми и близкими, не говоря уже о таких конструкциях, как страны, убеждения, историчность и прочее...

Здесь, мне кажется, из своего личного опыта ты извлечешь для себя пример гораздо точнее и лучше, чем смогу это я... Про себя скажу, что я не отождествляю себя абсолютно ни с чем, находясь в постоянном поиске, – процессе становления, в котором нельзя стать, а можно становиться...

У каждого отдельного человека есть своя картина представлений с разными «но», «если», «и», «а», с разными нюансами и почти незаметными штрихами, которые отталкиваются от того или иного существующего мощного текстуального столба представлений. Каждый запрыгнул в свой уютный вагон, а кто-то обнаружил себя уже в нем, некоторые переползают из вагона в вагон, – и все вместе одним большим составом мы куда-то мчим. То есть мы оказались выкинутыми на каком-то отрезке времени, не зная ни истоков, ни устьев этого потока-импульса, и пробуем с разных сторон, кто как, узнать об этом хоть что-то или поверить в это типа «спортивного ориентирования».

«Куда несет нас рок событий?» – страдая, спрашивает сам себя Сергей Есенин. А теперь представьте, что кто-то учит вас правильно держать ложку или правильно говорить слово «звОНЯт», какие только правила не найдешь в стенах этого несущегося экспресса. Играя с текстом, наверное, можно, а иногда и нужно объяснить, зачем и почему имеют место правила и вагоны, поразбираться с ними, но... Но бывает такое устремление ума, что все это кажется такой чушью... Попробую объяснить на примере.

Как объяснить пчеле, что такое продукция компании Apple? Есть много всего, что недоступно нашей категории мышления, так же как пчеле недоступно воспользоваться мобильным телефоном. Телефон как бы есть, пчела как бы есть, а этого «можно» будто нет. Огромная пропасть неких связей, которые в условном другом мире вели бы к этому «можно». Чем хороши фантастические фильмы – они, фантазируя, достраивая какие-то части несуществующих связей, заполняя такие глубокие пропасти, утрируя, проектируют недостающие в альтернативной вселенной звенья цепи. Животные, машины, растения и т. д. наделяются человеческим языком, характером, индивидуальными качествами, протягиваются кабели восприятия

между условным гигантским цветком и его планами на захват мира, где во время действия он использует все те средства, что использует обычный человек, или под такого персонажа придумываются какие-то сверхспособности, – это очень любопытно. Все в рамках условного «мира пчелы». Фантастические фильмы режиссера-пчелы отталкивались бы от реалий пчелиного мира. С каждым новым словом этот пример становится все более неудачным, так как опирается на известную категорию мышления, унося первоначальные семена идей. Что может пчела, чем она может гордиться? Что может человек, чем он обычно гордится? Как отличить пчелу от человека?

Сказка о мтыдмтыщмтыдлм

Однажды один пастух пришел на бесхозную, но не заброшенную пасеку и стал разглядывать пчел. Пчелы были чудесны, они трудились, знали свое дело, они трудятся здесь уже тысячи лет, кто-то когда-то это оформил, заключил пчелок в рамочку пасеки, словно те картины, которые висят у наших родителей на стенах, но никто не знает, что они значат. Картина о любви, а вешают, чтобы стена богаче смотрелась. Так же и с нашей пасекой. Звонит наш пастух исчезнувшему пасечнику, а дозвониться не может, и письмо написал, и соседей в округе опросил: нет новостей. Ну, вытащил он из кармана телефон и положил прямо на один из ульев, мол, вернется – свяжется со мной. Что получается? Пасека бесхозна, стадо пастуха бесхозно, средство связи утеряно, пчелы засомневались – получили неизвестное средство, с которым не знают, что делать. Нарушен порядок вещей. Хаос и неразбериха. И ветер стал искать начало.

Сказка о вечности

В огромном царстве в огромном дворце жил царь. И все у него было красиво, все блестяло, и чисто, и опрятно, и людям не стыдно показать, и царям, в гости наезжающим, да вот только косяки дверные трещали, спать царю мешали, женушку-царицу раздражали да собак выть заставляли. И обратился царь-батюшка к мастеру дел дверных и говорит ему: «Сделай косяк, получишь тысячу рублей». Мастер работу свою сделал, царь, как обещал, заплатил, даже сверху дал. Ходит день, спит ночь – тишина, ничего не скрипит, живет не нарадуется. Желушка больше не зудит, покладистой стала, тишина, не скрипит косяк. Собака выть перестала, воришек мелких отпугивать научилась, рада, что и она спать может. А на третий день пошел царь с утра за кафтаном, отвалился косяк и царя как шандарахнул! Нет царя в этом государстве уже много лет, на больничной койке лежит, на голову да на мастера никудашнего жалуется, а те, что новыми царями становятся, все того же мастера нанимают, да уже поди лет 500 с косяками дверными мучаются.

Междуадие

Человек сидел в ванной, он сидел в ней как обычно, в руках был старенький телефон с развлекательной программой на экране, из устройства доносились звуки. Случился миг: то ли музыка, то ли голос, то ли идея впиалась в человека когтями, он отложил телефон. Его поза в ванной стандартизирована и устаканена, он, словно та оливка в бокале мартини, всегда выглядит презентабельно, словно из его ванной с упоением отхлебывает странная дама. Человек смотрит на свои руки, его культяпистое и мясистое тельце приходит в движение, он отслеживает движения тела, он ли движет им? Кто? Он становится на четвереньки и вглядывается в тройное отражение ванны, смотрит на себя, на тело, на ванну и на воду, и ничего не происходит. Вакуум, пустота, есть какой-то мир, какие-то мама и папа, женщина и ребенок внутри, ребенок снаружи, но сейчас, в минуту вглядывания в гладь воды в ванне, человек вне времени, вне мам и пап и привычного склада ума, он знает, что за дверью его ждет привычный мир и механистичный уклад, от которого не сбежать. Пауза, вроде того крутящегося загрузочного кружка на видео. Ролик продолжится, все на своих местах. Миг пройдет, опыт не извлечен. Утоп до следующей паузы. Кто нажимает на этот пульт?

Как понять муравья через рафинад?

Возьмем 100 лет. Что это? 1, 2, 3, 4, 5, 24... 36... 49... 78... 100. Сколько тебе? Прошли те годы, которые миновали? Остановки бытия – самое замечательное, что было у этого человека. Что не растворяет, что не растворяет хотя бы минуту, вроде того куска рафинада в горячем чае. Что может успеть сделать рафинад?

Тот миг перехода из твердой формы в сыпучую олицетворяет его предназначение как сахара, в этот момент рафинад понимает себя как сахар, до этого им кто-то мог и табуретку подпереть, чего только с рафинадом не творят, ну в его языке, конечно же. Рафинад не сообщает мне, погружающему его в чай, об этом миге. Такая коммуникация не может состояться. Ее нет. Не существует и недоступна. Скоротечней скорости света, незаметней взрыва сверхновой в другой галактике для глаз муравья на планете Земля. Такой взрыв как-то непременно влияет на муравья, – представим, что от дальней звезды к нашему муравью идет некий луч, который преломляется через призмы. Таких призм много. Какие-то со временем искажаются или разбиваются, и из-за этого кому-то свет и не сообщится. Здесь уместнее всего выглядело бы объявление о поиске всемуравьиногалактического мастера-осветителя, ведь все-таки каждый муравей на счету. И это почти не шутка.

Так пью чай.

Ниточное производство рыб

Мне кажется, что каждый в какой-то степени numb из той одноименной легендарной песни Linkin Park. И этого не надо, думаю, бояться, этим не надо и кичиться. Ты уже там, где что-то родится. И те позывы к привычному, знакомому, комфортному – пусть случатся... Кажется, не стоит слушать людей, которые говорят тебе о тебе со знаком «минус», они рассказывают о себе – прислушайся однажды. Не вздумай и подумать, что с тобой что-то не так, – нет мышц, денег, красивых ног и полноценной семьи, – этот список декораций бесконечен. Ты тот, кто перевернет этот мир. Несмотря на чрезмерный пафос этих строк, тут можно увидеть и другое. Бывало, что что-то в твоей жизни, словно шашлык, насаживалось на шампур, – есть, и все. Девушка, парень, музыка, одежда, вещи, эмоции, чувства, квартира, машина, родственники, соседи и т. д. – список программ, установленных на твой персональный компьютер. Узнай про себя что-то невероятное. Иногда для этого даже не надо выходить из комнаты; вот ты, вот я, вот буквы, которые я выкладываю в рядочки, ты здесь, ты читаешь – между нами натягивается ниточка; возможно, забыв об этом моменте своей жизни, – вот, скажем, прямо этот момент жизни ты забудешь, – а он может однажды воспроизвестись в твоей жизни лет через сорок и изменит привычный порядок вещей у какого-то еще незнакомого тебе и мне человека. Налаживая эту ниточную канцелярию, ты являешься генеральным директором этой компании. Пожалуй, самой влиятельной в мире компании. Она никому не принадлежит, ее ресурс неисчерпаем, а природа неясна. Можно любоваться плывущей рыбой, наблюдать, идти за ней, изучать ее, стараться что-то понимать про нее. Но можно выловить ее из реки и съесть. И так и так ты что-то поймешь об этой рыбе и о себе. Но вдруг наша рыба – последняя, которую нам посчастливилось увидеть, и ты можешь ее поймать и съесть, но ясно понимаешь, что тогда ее точно больше никто не увидит, и не будет ни малейшего шанса для ее понимания другими... Что если есть что-то, что не нужно трогать, до чего не надо копать, лезть и куда не надо врываться, пока не придет время (вроде «Красной книги» или заповедников по охране редких животных), – иногда кажется, это абсолютно понятно, что не нужно «съедать», возможно, поэтому мы еще здесь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.